

В этот момент команда шоу выдала звуковое сопровождение по полной программе.

— Ха-ха-ха-ха-ха-ха-а-а!

Следом за жутковатым, довольным смехом Альфа — пронзительный, захлёбывающийся ужасом крик Омеги.

Тан Син больше не рисковал открывать глаза. Намертво вцепившись в одежду Чэн Цзю, он стоял не дышал.

К счастью, команда шоу не стала гасить свет по-настоящему — просто несколько раз мигнула лампами туда-сюда и уgomонилась. Больше Тан Сина не трогали.

Только убедившись, что освещение стабилизировалось, он разжал пальцы.

Поднял взгляд — и наткнулся на насмешливые глаза Чэн Цзю.

Тан Син смешался и тут же опустил голову.

— Прости, брат Чэн.

Чэн Цзю взъерошил ему розовые волосы и потянул за руку — искать подсказки.

Комната и правда напоминала место преступления. Жуткое зрелище.

Тан Син огляделся и тихо пробормотал:

— Если такое выпустят в эфир, весь экран, наверное, окажется в пикселях.

— Пфф.

Чэн Цзю не сдержался — снова взялся за розовую пушистую голову и хорошенько взъерошил.

— Сяо Син-эр, просто у тебя трусоватое сердечко.

Тан Син нахмурился. На красивом, привычно холодном лице не было ничего, кроме брезгливости.

— Не трогай мою причёску.

— Хорошо, хорошо, — мягко отозвался Чэн Цзю.

Два предыдущих зала дали им опыт — этот они обыскали куда быстрее.

Тан Син прибрал к рукам всё освещение, какое нашлось: и лампы, и фонарик. Шёл, держа свет перед собой, и методично прочёсывал комнату.

Вскоре история, лежавшая в основе этого зала, сложилась в общих чертах.

Надо признать — команда шоу постаралась.

В последние годы случаи нападений на Омег участились до предела. От природы каждый Омега источал сладкий, одурманивающий запах феромонов — у всех разный, но неизменно прекрасный, для Альфа — смертельно притягательный. Особенно если совместимость была высокой: стоило двоим учуять феромоны друг друга, как Омега мгновенно входил в период течки, а волна феромонов, которую он при этом испускал, пробуждала в Альфа инстинкты — легко, почти без усилий.

В школьные годы Тан Сина для Омег ввели отдельный курс — как защитить себя. Для Альфа — тоже новый обязательный предмет: как контролировать инстинкты. Сдать его нужно было на отлично, иначе — никакого диплома.

Но с появлением этого курса процент выпускников среди Альфа резко упал. Жалобы посыпались со всех сторон. Долго не протянуло — вскоре преподаватели начали смотреть сквозь пальцы и перестали требовать всерьёз.

Тех, кто мог по-настоящему держать инстинкты в узде, было ничтожно мало. Лишь Высшие Альфа — при максимальном развитии — способны полностью отрезать себя от чужих феромонов, не поддавшись зову. Но Высших Альфа от природы единицы.

Уровень преступности какое-то время удерживали. Потом откат оказался слишком сильным.

Только когда в лабораториях разработали супрессанты для Альфа, что-то начало меняться к лучшему.

Но — горько и смешно — покупали их, как правило, сами Омеги. И омеговские супрессанты — тоже сами Омеги.

Эта комната рассказывала историю об инстинктах и преступлении.

Омега — умница, красавец, отличник. Но хрупкий, маленький, почти без физической силы. Его противоположность — Альфа: крепкий, мощный, с нечеловеческой силой в руках.

Почувствовав слежку, Омега заблаговременно купил два вида супрессантов — на всякий случай.

Это не помогло.

Ночью, когда Омега возвращался домой, Альфа схватил его и привёз в эту комнату. Омега успел вколоть себе супрессант и попытался ввести ещё один — уже взбесившемуся Альфа. Но природа распорядилась иначе: разрыв в силе был слишком велик. Омега не стал ему ровней ни в каком смысле.

Его связали. Делали с ним что хотели. Он сопротивлялся до последнего — и погиб в мучениях.

У Тан Сина мороз пробежал по спине.

Что-то слишком знакомое.

Чэн Цзю молча взял его за руку, забрал у него главную улику и открыл выход из зала.

Когда они вышли в коридор, к ним тут же бросились сотрудники шоу. В ярком свете те наконец разглядели: лицо Тан Сина было белым, как бумага.

— Тан Син, ты в порядке?

— Он в порядке. — Чэн Цзю мягко обнял его за плечи и наклонился. — Зайдём в комнату отдыха?

Тан Син кивнул.

— Да.

Чэн Цзю отослал ассистентов и сотрудников и отвёл его к себе.

На самом деле Тан Син пришёл в себя довольно быстро.

Похожая ситуация, да — но ему повезло больше, чем персонажу из той истории. Брат и Чэн Цзю успели вовремя; всё закончилось, прежде чем тот успел по-настоящему что-то сделать.

Но те двадцать с лишним часов в тёмной, запертой комнате были навсегда вплавлены в его тело. Такое не забывают.

Чэн Цзю достал свой термос и протянул ему.

— Спасибо, — хрипло выдохнул Тан Син.

— М-хм. — Чэн Цзю опустился рядом, небрежно закинув правую руку на спинку стула у него за плечами — почти как обнял. — Раз уж ты и правда благодаришь — перестань держать меня на расстоянии. Сяо Син-эр, ты помнишь, как в детстве от меня не отлипал? Что ж теперь смотришь с таким видом, будто я тебе чем-то не угодил?

Тан Син промолчал. Скользнул по нему взглядом — и ничего не сказал.

Чэн Цзю был невероятно красив. Тёплые, нежные черты, выразительные глаза, точёный профиль. Стоило задержать взгляд на секунду дольше — и казалось, можно утонуть.

Причина, по которой Тан Син держался от него подальше, была не только в этой красоте.

Он Чэн Цзю искренне нравился. Нравилось то ощущение — когда тебя берегут, когда заботятся с такой теплотой.

Вот именно поэтому Чэн Цзю и был особенно опасен.

Слишком мягкий. Слишком внимательный.

Иногда — те мелочи, которые брат даже не замечал, Чэн Цзю замечал. И заботился лучше, чем родной.

Разве это не страшно?

Такой нежный, такой внимательный Альфа — а при каждой случайной встрече рядом с ним новый Омега. Или бета. Пол, кажется, не имел значения. Главное — чтобы красивый, чтобы интересный. Остальное — детали.

— Хм? — Чэн Цзю приподнял бровь, убрал руку со спинки стула и снова запустил пальцы в его волосы. — Уставился. О чём думаешь?

Тан Син встрепенулся и резко отвёл взгляд.

Сам не заметил, как снова уставился. Что с ним такое?

Он сдвинулся в сторону, голос — намеренно ровный:

— Брат Чэн, не нужно меня опекать. Я — новичок без единой работы. Если нас вместе будут видеть слишком часто, это не очень хорошо.

Уголки губ Чэн Цзю медленно опустились.

Он небрежно, почти скучающе поджал губы.

— Ладно. Как отдохнёшь — сам выходи.

\*\*\*

Две другие пары к тому времени тоже завершили первый зал. Тан Син вышел из комнаты отдыха и смешался с остальными.

— Ого, брат Чэн, вы что — первые прошли? Вот это да!

Линь Лин уже стоял рядом с Чэн Цзю, не скрывая восхищения.

В памяти Тан Сина против воли всплыло то утро — он открывает глаза, а кругом квартира Чэн Цзю.

Заметив направленную на него камеру, Тан Син отвёл взгляд и нырнул в общий разговор — все обменивались впечатлениями.

— Тан Син, вы правда первые? Молодцы! — Гэ Синь сунул ему под нос улику, с которой они бились. — Смотри — вот из-за этой одной подсказки я потратил два часа. Чуть не тронулся.

Напарница — новая ведущая телеканала Су Цзин — отпила воды и невозмутимо бросила:

— Потому что ты всё время висел на мне и трясядрожа. Не тормозил бы — я бы эту задачку давно решила.

Гэ Синь по натуре был незлобивым весельчаком, но тут покраснел и возмущённо парировал:

— Сяо Цзин, да у тебя самой кишка тонка! Вот выйдет эпизод — и все увидят: кто орал в темноте? Кто запрыгнул на меня, схватив реквизит, и ныл «спаси меня, спаси»?!  
Бессердечная!

Тан Син засмеялся.

С этими двумя скучать не приходилось.

Пока все болтали, к ним подошёл главный режиссёр Лю с маленьким рупором в руке.

— Думаю, вы уже разобрались в историях трёх комнат. Мы хотели через них — через реальные дела — дать повод задуматься. Нельзя идти на поводу у инстинктов. Нужно учиться их контролировать. Такие случаи происходят каждый год. И при этом многие продолжают прикрываться «инстинктом» — прячутся за этим словом, причиняя боль другим. Как ни назови — это преступление.

Су Цзин сложила кулак, поднесла к Гэ Синю как воображаемый микрофон.

— Гэ Синь, твои мысли?

Тот мгновенно посерьёзней.

— Это отвратительно. Я бета — феромоны меня не касаются, — но таких случаев видел столько, что уже тошнит! «Омеги пусть ночью не выходят», «сами виноваты», «зачем такие сладкие феромоны», «зачем такие красивые»... Валить всё на Омег — это трусость и ничтожество. Человек красивый, феромоны сладкие — тебе-то что? Это твой повод? Мразь!

— Совершенно верно! — Су Цзин захлопала и перевела воображаемый микрофон к Линь Лину.  
— Линь Лин, твоё мнение?

Линь Лин моргнул, сглатывая подступившие слёзы.

— Полностью согласен с братом Гэ. Этот мир слишком жесток к нам, Омегам. А мы физически слабее — и порой совершенно беспомощны.

— Да, — тихо кивнула Су Цзин. — Думаю, все мы, Омеги, это чувствуем.

Она посмотрела на Тан Сина.

Лю уже отдельно попросил её: уделяй новичкам больше внимания. Двоих уже спросила — Тан Син должен справиться.

Кулак потянулся к нему — но не успела Су Цзин сделать и шага, как Чэн Цзю выставил перед ней указательный палец.

Су Цзин удивлённо моргнула — не ожидала, что Чэн Цзю сам подаст голос.

— Брат Чэн, вы хотите высказаться? — Она привстала на цыпочки, тянясь к нему кулаком.

Чэн Цзю любезно наклонился, глянул на неё с лёгкой усмешкой.

— Не надо так тянуться — я не разучился нагибаться.

Су Цзин залилась краской, но невозмутимо выдала:

— Вот это настоящий брат Чэн — такой заботливый!

Чэн Цзю улыбнулся — а потом взгляд его чуть изменился. В нём проступило что-то высокомерное.

— Мне, честно говоря, непонятно — неужели контролировать себя настолько сложно? Альфа, который не в состоянии справиться даже с собственными феромонами... — он коротко хмыкнул и не договорил.

Фразу он бросил незаконченной, но в глазах читалось яснее всяких слов.

Су Цзин подыграла:

— Для Высшего Альфа это, наверное, вообще не проблема, да, брат Чэн?

— Угу. Феромоны других Омег меня не трогают. Никогда. — Взгляд Чэн Цзю скользнул по всем с лёгким презрением. — Тот, кто не в силах справиться с собственным инстинктом, — чем лучше зверя?

Тан Син почувствовал странный толчок.

Что-то не так с его сердцем?

Оно только что — вот только что — пропустило удар.

<http://bllate.org/book/19798/2029527>